

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Андрей Анатольевич БАЙКОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
a.baykov@inno.mgimo.ru

Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки

АННОТАЦИЯ. В современном мире интеграция превратилась в подлинно общемировой политико-экономический феномен, в научном плане представляя собой метатеоретический конструкт со сложной типологией составляющих его разновидностей и более частных проявлений. Тренд на регионализацию, демонстрировавший взрывной рост в первое постбиполярное десятилетие, позволил малым и средним государствам укрепить свою позицию в диалоге с крупными, сгладить перепады в темпах роста и уровне качества жизни, а также внести самостоятельный вклад в урегулирование ряда тяжелых международных конфликтов, прежде всего в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. В данной статье предлагается теоретико-методологическая схема сравнительного изучения и оценки казусов региональной экономической интеграции как политического явления, то есть имеющего последствия для распределения силы и влияния в межгосударственных взаимодействиях. Автор прослеживает особенности и эволюцию подходов в теории интеграции: от трактовки «федерализма» применительно к идеологическому обрамлению интеграции, как её понимали сторонники движения «Панъевропа», до совре-

менных научных взглядов в науке о международных отношениях и в рамках формирующейся субдисциплины «Сравнительная интеграция».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная экономическая интеграция, Европейское объединение угля и стали, Европейский Союз, федерализм, теория Балаши, модель европейской интеграции, СНГ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байков А.А. (2017). Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 38-53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Andrey A. BAYKOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
a.baykov@inno.mgimo.ru

Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory And Methodology of Comparison

ABSTRACT. *Nowadays integration could be considered as worldwide-political phenomenon with its multielement structure. The growing integratedness allows the little and medium states to build a constructive conversation with important players, equalize the growth rates, life quality as well as to contribute to settlement of international conflicts. This article deals with the theory and methodology of Economic Integration in Europe. The author investigates the roots of integration processes in after-war period in Europe. With establishment of European Coal and Steel Community (ECSC) in 1951 the integration became a key element of international policy. The author revises the evolution of the Integration theory from implementing of "federalism" term till development of comparative integration area in international relations science. The author used original foreign and Russian sources for preparing the current article.*

KEYWORDS: *regional economic integration, European Coal and Steel Community (ECSC), European Union, federalism, The Balassa Theory of Economic Integration, model of European integration, CIS*

FOR CITATION: Baykov A.A. (2017). Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Compar-

ison. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 38-53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

К 2017 г. на политической карте мира почти не осталось государств, в той или иной мере не охваченных положительными и отрицательными эффектами региональной экономической интеграции. За два с небольшим десятилетия после завершения «холодной войны» количество межгосударственных объединений, выдвигающих интеграционные задачи в политике, экономике, социально-культурной и идентичностной сферах, возросло более чем вдвое. К середине 2010-х гг. общее число интеграционных группировок превысило количество государств. Это означает, что одни и те же страны одновременно участвуют в объединениях и структурах различного состава, конфигурации и предмета деятельности. Последнее наглядно иллюстрирует одну из отличительных черт современной мировой политики – её ускоренную «сетевизацию» как господствующую парадигму формирующихся механизмов глобального управления.

Инициативы выражено интеграционного типа не только затронули все на-

селённые людьми континенты¹, но и действовали оформлению, по существу, новых макрорегионов («Большой Европы» (Crouch, 1992), «Большой Восточной Азии» (Воскресенский, 2006), «Малой Евразии» (Шаклеина, 2013) и т.д.), индуцируя территориальную реконфигурацию мира² и обозначая новые векторы геоэкономических тяготений, не вполне совпадающие (или не совпадающие вовсе) с линиями геополитического размежевания эпохи «холодной войны».

Еще одно существенное и вместе с тем недооцененное последствие региональной интеграции – возможность для малых и средних государств Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Тихого океана (и, разумеется, малых и средних стран Европы) обрести свой голос на международной арене, исторически приглушённый на фоне приоритетного внимания, уделявшегося учёными и политиками деятельности великих держав.

Наконец, интеграционные проекты действовали выравниванию темпов и качества социально-экономической жизни и сыграли благотворную роль в урегулировании ряда международных конфликтов, вернув мир и стабильность в исторически нестабильные регионы – Европу, Юго-Восточную Азию, в известной степени Латинскую Америку.

Глубина влияния интеграционных структур на политические процессы в национальных государствах остается предметом неутрачивающих научных дискуссий. Между тем неоспоримы масштабы последствий интеграционных инициатив для ми-

ровой экономики и в особенности для глобальной торговли, более трети которой (36%) приходится на внутриваловую торговлю в рамках существующих региональных интеграционных объединений.

В силу действительной глобальности своего географического распространения интеграция превратилась в подлинно общемировое политическое явление. Между тем разнообразие региональных форм интеграции мешает осмыслению интеграционных трендов как типологически родственных, так как типологические сходства порой незаметны в многообразии моделей интеграции. Глобальный тренд, очевидно, требует глобального же осмысления. Накоплена значительная эмпирическая база для выделения частных особенностей и общих интеграционных тенденций, появившихся в различных регионах мира. Без изучения и анализа схожих черт и вариативности нет оснований не только говорить об уточнении самого понятия интеграции, но и претендовать на адекватное понимание онтологии протекающих политических процессов управляемости, регулирования и в целом нарождающегося глобального политико-правового порядка.

Важность интеграционных исследований дополнительно подчеркивается потребностью в научной рефлексии по поводу опыта интеграционных взаимодействий в разных регионах мира в контексте возвышения социально-экономических процессов, меняющих непосредственный субстрат глобальной человеческой истории, а именно: консолидации единой гло-

1 Приведем наиболее влиятельные региональные интеграционные объединения, получившие в литературе определение региональных блоков за их масштаб и адекватную репрезентацию интересов целых регионов: Европа – Европейский Союз; Африка – Африканский Союз; Северная Америка – НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле); Южная Америка – УНАСУР (Союз южноамериканских наций); Центральная Америка – КАРИКОМ (Центральноамериканская интеграционная система); Карибский бассейн – КАРИКОМ (Карибское сообщество); Ближний Восток – Лига арабских государств; постсоветское пространство – Содружество независимых государств, Евразийское экономическое сообщество, Единое экономическое пространство; малые и средние государства Тихого океана – Форум тихоокеанских государств, АТР – АТЭС, Южная Азия – СААРК (Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества) и т.д.

2 Отечественный специалист Т.А. Шаклеина использует также термин подсистемной перегруппировки международных отношений.

бальной экономики³ и формирующегося транснационального гражданского общества. То и другое самым непосредственным образом воздействует на сложный и внутренне конфликтный процесс сопряжения государств и негосударственных акторов в рамках глобальной политической сети⁴, образуя проблематику современной мировой политики как научной дисциплины в России и за рубежом (Лебедева, 2003).

Для российской науки о международных отношениях учет всей палитры возможных моделей интеграционного взаимодействия приобретает дополнительные оттенки политического смысла в свете тех усилий, которые предпринимает Россия с целью структурирования межгосударственных связей на постсоветском пространстве, в котором она готова выступить в качестве интеграционного ядра. Такое знание не менее важно и в контексте возрастания интеграционной динамики в сопредельном Азиатско-Тихоокеанском регионе, «вхождение» в который может стать существенным ресурсом повышения качества жизни на российском Дальнем Востоке.

1

С образованием Европейского объединения угля и стали в 1951 году интеграция стала реальным элементом международной политики в Западной Европе. Между тем очевидно, что с начала 1950-х го-

дов представления о ней менялись. Интеграция, будучи категорией гуманитарных наук, требует жестких дефиниций для ее операционализации в прикладном политическом анализе (Хрусталева, 2008). Попытки определить интеграцию предпринимались в рамках различных политологических концепций.

В середине XX века научные концепции интеграционного процесса строились вокруг идеи создания однородного пространства на основании единства институциональной системы, культурных символов и экономического комплекса.

Наиболее подходящим идеологическим обрамлением для Западной Европы на тот момент стала теория федерализма, разработанная в 1920-х – 1930-х годах сторонниками движения «Панъевропа» – А. Брианом, Р. Куденхове-Калерги⁵ и др.⁶.

Термин «федерализм» (лат. *foedus*) означает сделку, договор на паритетной основе, заключенный между равноправными партнерами. С подачи П. Кинга в 1982 г. произошло семантическое ветвление понятия на «федерализм» и «федерацию» (King, Bosco, 1991). Под федерализмом стали понимать политическую идеологию и философию, направленную на подготовку социальных и материальных условий для создания федерации – институционального порядка, закрепленного конституционно. Данный порядок образует нормативную основу особого типа суверенного государства, отличного от других тем, что центральное правительство в нем вовлекает региональные терри-

3 О завершенности этого процесса с наглядностью свидетельствует мировой финансово-экономический кризис 2009–2012 гг., о чем очень убедительно и ярко пишет в предисловии к последнему изданию аналитического обзора Французского института международных отношений академик Т. де Монбриаль: RAMSES 2013: Gouverner au jourd'hui? Thierry de Montbrial et Philippe Moreau Defarges (dir.), Paris, Ifri/Dunod, 2012.

4 Под сетью понимается система политического взаимодействия/управления, в которой участвуют субъекты разной природы и разного порядка с точки зрения их положения в формальной иерархии, которые в условиях сети оказываются на одной площадке и на одном переговорном уровне.

5 Рихард Куденхове-Калерги призывал в своем «Панъевропейском манифесте» объединить все демократические государства Европы и создать механизм обязательного арбитража для предотвращения угрозы войн, устранить таможенные границы и ввести свободное движение товаров. Он понимал под Панъевропой континентальную Европу, которой угрожают три могущественных соперника – США, Британская империя и Россия.

6 Genealogie des grands desseins europeens. *Bulletin du Centre Europeen de la Culture*. Geneve. 1960–1961. № 6. P. 69.

ториальные единицы (субъекты федерации) в процесс принятия верховных решений, относящихся к компетенции государственной власти. Следует уточнить: в рамках данной концепции федерализм возможен без федерации, однако федерация невозможна без предшествующей ей формы идеологии федерализма.

Федерализм рассматривался представителями межвоенного поколения политиков и теоретиков с целью пресечения негативных последствий национального эгоизма, в том числе внутри многонациональных государств. Между тем в их теориях угадывались аналогичные построения с целью возможного объединения национальных государств в рамках надгосударственной (супранациональной) системы управления, в которой принимаемые решения обязательны для всех членов формирующегося протогосударственного образования, даже для тех, кто при голосовании воздерживается или высказывается против. Межгосударственный федерализм предусматривал выведение целого ряда вопросов в сферу совместной и исключительной компетенции наднациональных институтов и правительств отдельных стран. Отличительной особенностью послевоенного федерализма (неофедерализма) стало нормативное предписание объединения Европы посредством принятия конституции. С этой точки зрения курс на разработку конституционного договора в ЕС органично вписывается в федералистскую концепцию и служит доказательством её важной роли в интеграционном построении.

Начиная с 1940-х и вплоть до 1960-х гг. в странах Западной Европы активно предпринимались попытки адаптации принципов федерализма к межгосударственным отношениям того времени, прежде всего в Британии – Движение за Объединенную Европу У. Черчилля); во Франции – Комитет действия за Соединенные Штаты Европы Ж. Монне; в Италии – Движение европейских федералистов А. Спинелли.

В литературе хорошо описано, что проект Европейского объединения угля и стали (1951 г.), воплотивший крайний вариант федерализма и принципа наднациональности, который впоследствии все более ограничивался, стал возможен в условиях стремления французской элиты изъять отрасли военной промышленности из-под суверенитета Германии; германофобии со стороны французов, а также стремления ФРГ к примирению с Францией. Впрочем, слабость позиций федералистов проявилась в сфере военного сотрудничества, а также экономической интеграции ЕЭС, что показал провал инициативы Европейского оборонительного сообщества (1954).

В процессе оживленных дискуссий во французском научном обществе начиная с конца 1950-х и вплоть до конца 1960-х годов обозначились две позиции по отношению к федерализму. Приверженцы «Европейского отечества» выступали за усиление построения «Союза европейских государств». В то время как большинство представителей французской элиты, стоявшие на условно называемой позиции «Европа отечества», высказывались против дальнейшего укрепления в структуре сообщества наднациональности, не успев «насладиться» в полной мере периодом возрождения «величия Франции» (Kolodziej, 1974).

Относительно роли федерализма в истории собственно европейской интеграции существует несколько точек зрения. В последние десятилетия в научной среде появились серьёзные сомнения в применимости федералистского проекта для Европейского Союза. И это несмотря на внешне несомненное следование федералистской линии, воплотившейся в 1992 г. в создании Европейского Союза и в 2007 г. в подписании Лиссабонского договора.

Противники федерализма, а следовательно, и наднационализма как принципа организации регионального пространства, выдвигают в поддержку своей позиции следующие аргументы. Во-первых,

для федерации характерно сочетание двух порядкоформирующих начал: ассимиляции, то есть стирания локальной этнической вариативности и консолидации некогда разноликого в этнокультурном и политико-идеологическом отношении полинационального конгломерата в единую национальную структуру; и иерархии – существенного условия функционирования любого государственного образования. Де-факто же интеграция даже в ее наиболее совершенной форме – в Европейском Союзе – функционирует на основе принципа ассоциации, предполагающего взаимодействие равнопоставленных субъектов. Слабость европейской федерации состоит в том, что в ЕС не только не было достигнуто иерархичности правления, типичного для федерации, но и не предпринято реальных шагов на пути к этому, а значит, едва ли есть основания всерьез рассуждать об образовании здесь целостной наднациональной группировки.

Результатом развернувшейся полемики вокруг применимости федерализма к интеграционному строительству стало укрепление теории неофункционализма Э. Хааса, впитавшей политическую конъюнктуру и идейный контекст периода горячих споров между сторонниками «Европы отечеств» и «Европейского отечества». Данная теория обосновывает закономерность, полезность и неизбежность планомерной передачи полномочий от отдельных правительств институту наднационального органа по мере интенсификации интеграционного процесса. Неофункционализм представляет собой теорию региональной интеграции, делающую основной упор на роль негосударственных единиц, в частности «секретариат» региональной организации, а также групп давления, интересов, экономических акторов и общественных трендов, которые формируются на региональном уровне и поддерживают поступательную динамику процесса интеграции. В то же время страны-участницы остаются значимыми партнерами в интеграционном процессе. Они обладают полномочия-

ми устанавливать условия первоначально-го соглашения, но не могут в полном объеме определять направление и интенсивность последующих изменений в нём.

Неофункционализм учит, что региональная интеграция является спонтанным и внутренне конфликтным процессом, который в условиях политического плюрализма и демократии вынуждает правительства государств-членов в силу роста региональных ограничений передавать всё больше вопросов наднациональным органам, которые они сами когда-то создали. Если развивать неофункциональную логику, то в какой-то момент граждане начнут переносить свои ожидания на уровень региона, а интеграция «выплеснется» в политическую сферу (Schmitter, 1969, p. 262–264).

Впрочем, справедливо и обратное: движению к более тесной интеграции может помешать ряд других внутренних факторов, отбросив развитие интеграционного объединения на несколько фаз назад. К таким факторам можно отнести: поспешность и необдуманность государств-членов в передаче полномочий наднациональным структурам, которые порой не способны оправдать ожидания граждан; дефицит ресурсов, обусловленный нежеланием некоторых правительств укреплять наднационализм. В этой связи неофункционализм поставил перед мыслителями важные вопросы: о трудном прогнозировании, контроле и измерении интеграционного тренда и одновременно о роли общественной поддержки инициатив интеграции.

2

Теоретические ожидания исследователей интеграции изначально строились на допущении о эволюционно-прогрессивном характере развития интеграционных процессов, что отражено в тексте Римского договора о Европейском экономическом сообществе 1957 г.

Он предусматривал постепенное интегрирование государств: от взаимодействия в сфере отдельных отраслей экономики до – возможно – вопросов обустройства политического пространства группы. На самом же деле опыт ЕС и других точек мира показал, что интеграционные пути сложнее: в научной литературе 1990-х гг. стали широко применяться термины «дифференциация», «многоформатная интеграция» и «разноскоростная интеграция». Это может означать признание нелинейности интеграционных траекторий в мире, вероятность возникновения в пределах одной интеграционной единицы групп стран, для которых характерна различная интенсивность институциональных связей.

Но парадоксально другое: наиболее серьёзный интеллектуальный вызов теоретикам интеграции во всем мире бросила реальная практика интеграции Европейского Союза, который, сам задав «канон на соответствие», казалось бы, должен был полностью ему соответствовать.

Для понимания особенностей экономического развития любого интеграционного объединения значение сохраняют концепции, появившиеся ещё в начале 1950-х годов. Так, лауреат Нобелевской премии 1969 г. Я. Тинберген (1903–1994) ввёл в 1954 г. понятия «позитивной» и «негативной» интеграции. Под «негативной интеграцией» подразумевалось согласованное удаление дискриминационных норм из национальной экономической практики всех стран-участниц. «Позитивная интеграция» предполагала переход к общим институтам и совместной передаче как минимум части полномочий, касающихся построения общего экономического пространства (Tinbergen, 1952). Значение последнего термина можно описать сравнением участников сообщества с регионами, которые не разделены границами внутри государства. Для внутригосударственных регионов характерна более высокая степень интегрированности: интенсивный торговый оборот между регионами, синхронизированные темпы и

циклы их деловой активности, сопоставимые темпы роста, гибкость в принятии совместных рисков, даже темпы инфляции почти идентичны.

Данное уточнение демонстрирует, что не только либерализация экономического пространства, но и административно-регулирующая деятельность наднационального органа, направленная на обеспечение слаженной работы хозяйственного организма всей группировки, может стать инструментом интеграции. Позитивная интеграция функционирует в условиях высокой степени консолидации и согласованности интересов, так как подразумевает надгосударственный контроль в важных сферах: социальной, кредитно-денежной и налогово-бюджетной политике.

Стоит подчеркнуть, что в ЕС оба варианта интеграции всегда развивались параллельно. «Негативная интеграция» проявлялась в снятии тарифных ограничений и таможенных барьеров. До перехода к единому внутреннему рынку, экономическому и валютному союзу в конце XX века «позитивная интеграция» проявилась на стадии создания Таможенного союза (1958–1968 гг.), в общей сельскохозяйственной политике (1962 г.), введении европейской «валютной змеи» (1972 г.) и европейской расчетной единицы ЭКЮ (1979 г.).

Самые ранние этапы экономической интеграции оказались под влиянием концепции Я. Тинбергена, которая была прагматична и ясна в ранжировании целей развития. Однако в последующем господствующей теорией интеграции, отставившей жесткую последовательность этапов экономического развития, стала теория профессора Университета им. Джонса Гопкинса Бэлы Балаши (1928–1991). Согласно данной теории, экономическая интеграция имеет следующие стадии развития: зона свободной торговли – таможенный союз – общий рынок – экономический и валютный союз – полная экономическая интеграция, влекущая за собой появление федеративного государства (Balassa, 1982).

Между тем, если проанализировать в строгом согласии со схемой Балаши этапы развития интеграции в Европе, то обнаружится ряд расхождений. Во-первых, ЕС перешёл на стадию таможенного союза, не проходя стадию зоны свободной торговли. Согласно расчетам западноевропейских экономистов, для стран – участниц соглашения зона свободной торговли может оказаться невыгодной, поскольку государства с самым низким внешним тарифом получают преимущества от транзита продукции третьих стран.

Во-вторых, изначально авторы Римского договора о ЕЭС подразумевали под общим рынком таможенный союз, а не единый внутренний рынок «по Балаши».

В-третьих, создание экономического и валютного союза на практике происходило параллельно с формированием внутреннего рынка, а не постепенно, как это описано у Б. Балаши. В-четвертых, в отличие от последовательности, согласно схеме Балаши, где наднациональный уровень появляется лишь на последней стадии, Западная Европа начала интеграцию с элементов наднациональности.

Другими словами, в отличие от логичной схемы Балаши эволюционного развития от простых форм интеграции к более сложным, европейская экономическая интеграция характеризовалась наложением различных стадий интеграционных процессов одновременно с наличием особых отклонений.

Б. Балаши, вероятно знакомый с теорией Я. Тинбергена, сделал ставку на логичность конструкции, но не на анализ практического опыта. Он создал стройную, но уязвимую при столкновении с реальностью объяснительную систему. В теории она была удобным инструментом для прогнозирования и реализации интеграционных проектов в других частях мира по аналогии с ЕС, но на практике именно казус ЕС она объяснить не смогла. Тем удивительнее, что теория Балаши и сегодня остается наиболее разработан-

ной и известной версией региональной экономической.

Однако и позднее предпринимались попытки обобщить опыт ЕС и выстроить объясняющие его теоретические схемы. В 1995 г. профессор Гарвардского университета Роберт Лоуренс (Lawrence, 1995) ввёл новые теоретические понятия: «глубокая интеграция» (deeper integration) и «поверхностная интеграция» (shallow integration), предусматривающая только либерализацию торговли. Термин «глубокая интеграция» подразумевает интенсификацию экономических отношений, которые не ограничиваются упразднением тарифных и нетарифных барьеров. Однако такая интеграция не всегда эффективнее. Например, принятие общих стандартов способно повлечь за собой внутренние издержки и препятствия к импорту. В то же время «глубокая интеграция» может способствовать росту производительности труда.

Феноменологическая уникальность Европейского Союза состоит все же в другом – в установке на общие политики, общие структуры и общее правовое пространство, что отличает от концепции свободной торговли таких интеграционных групп, как АТЭС, ЕАСТ и НАФТА. Основой европейской интеграционной модели является сближение экономик государств-членов, подобно внутригосударственному регионам.

3

Сила идеи европейской интеграции, особенно в глазах её «подражателей» в других регионах мира, несомненно, заключалась в том, что начиная с XVI века и на протяжении веков в западноевропейских научных кругах рождались проекты «Соединенных Штатов Европы», подготовившие достаточно глубоко проработанную базу для последующего европейского интеграционного сближения (Борко, 2003). Как следствие исследователи интеграции,

где бы они ни находились и что бы ни изучали (интеграционные процессы в Африке, Латинской или Северной Америках, на Ближнем Востоке), всегда ощущали на себе – в силу исторической «освящённости» идеи европейского единства – существенное влияние её умообразительной нормативности.

В итоге на длительном историческом отрезке опыт европейских сообществ, а позднее и Европейского Союза, стал отождествляться в целом с феноменом интеграции и стал мерилем успехов интеграционного сближения для остальных группировок мира. Разумеется, задача сопоставления интеграционного опыта ставилась и прежде⁷.

Для её решения аналитики использовали при сравнении допущения западноевропейской модели как нормативной принцип наднациональности при принятии решений, продвижение по разбиравшейся в предыдущем разделе «лестнице Баласси» (Balassa, 1982). Преимущественно в экономической литературе⁸ встречается индикатор доли внутригрупповой торговли в обороте стран-членов (Буторина, 2007). В СССР при создании школы интеграционных исследований (Молчанов, 1957, с. 6–9) западноевропейский опыт интеграции мог служить, пожалуй, единственным естественным объектом для изучения и анализа (Борко, 2003, с. 207–209)⁹.

Сегодня интеграционные процессы охватывают многие точки мира, поэтому ориентация только на опыт ЕС, не принимая во внимание внутрирегиональную специфику, тормозит научное исследование этого феномена.

По мнению П. Катценштайна, возникновению общей теории интеграции ме-

шает заикленность авторов на изучении конкретного опыта ЕС (Katzenstein, 2006, p. 127–138). Во-первых, бессмысленно сравнивать институциональный и договорно-правовой механизм Европейского Союза с проявлениями интеграции в Азии или Латинской Америке, где нет и пока не предвидится аналогичных ЕС наднациональных институтов (Boerzel, Cichowski, 2003, p. 269–290).

Во-вторых, увлечённые изучением западноевропейской интеграции теоретики недооценили многообразие интеграционных форм, появившихся в начале 2000-х гг. (Katzenstein, 2003). Они считали наднациональность главным признаком интеграции, в то время как практики ориентировались прежде всего на её эффективность, а не соотносили свой интеграционный опыт с интеграцией в Западной Европе.

В 1990-х гг. стал быстро нарастать плюрализм научных взглядов и школ относительно региональной интеграции. В экспертных, а вскоре и научных публикациях сначала осторожно, потом все смелее стала встречаться довольно свежая по тем временам мысль о том, что изучение только западноевропейского опыта имеет ограниченную полезность, а западноевропейская интеграция, скорее, «случайный» историко-политический феномен. Британский профессор, исследователь опыта интеграции в Восточной Азии М. Бисон достаточно категорично писал по этому поводу: «...нет никаких оснований утверждать, что европейский опыт определяет единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия или что успех любого регионального объединения должен оцениваться исключительно по его способно-

7 Имеются в виду такие работы, как: (Лицарева, 2004; Шишков, 2001; Langhammer, 1999; Katzenstein, 2005).

8 Термин «интеграция» порой заменяется в экономической литературе термином «конвергенция», который означает, с одной стороны, сближение основных показателей развития, а с другой – унификацию социально-экономических политик. Конвергенция измеряется такими параметрами, как отношение взаимной торговли ко всему внешнеторговому обороту или ВВП, динамика сближения внутренних цен на однородные товары, процентных ставок по кредитам одинаковой срочности.

9 Первая школа интеграционных исследований в СССР (России) сложилась в ИМЭМО с 1958–1962 гг. под руководством академика А.А. Арзуманяна.

сти воспроизвести структуры и практики ЕС» (Beeson, 2007, p. 5).

Но настоящий всплеск индивидуальных и коллективных работ в духе «ревизионизма» пришелся на конец XX – первое десятилетие XXI века. Началось осмысление специалистами по регионализму, в том числе и европейскому (Katzenstein, 2000, p. 353–368), уникального интеграционного опыта в Западной Европе в контексте интеграционного развития других частей мира (Milner, 1992, p. 466–496; Hettne, Soderbaum, 2000, p. 457–474; Wallace, 1994).

В этой связи необходимо сделать важное терминологическое уточнение. За годы интеллектуальной монополии на термин «интеграция» со стороны исследователей ЕС понятие впитало в себя знания и значения, характерные только для интеграционного процесса Европейского Союза. Поэтому с целью описания аналогичных процессов в других частях мира и во избежание критики о неверном использовании термина «интеграция» ученые-неевропеисты стали использовать термины «регионализация» и «регионализм». Фактически получалось, что «регионализация» зачастую оказывалась эвфемизмом «интеграции» для обозначения интеграционных процессов вне ЕС. Постепенно с подачи ревизионистов опыт ЕС стал выглядеть как частный случай регионализма: он «утратил характеристики нормативной модели, став ориентиром для частных усилий некоторых межгосударственных группировок в области институционального строительства» (Dieter, 2006; Acharya, 2004, p. 239–275).

Основные доводы сторонников «теорий нового регионализма» заключались в следующем. Во-первых, местные, историко-культурные, социально-экономические и политические особенности региона находят свое уникальное от-

ражение в той модели регионализма, которую они для себя выбирают (Hettne, Soderbaum, 2000, p. 457–474; Wallace, 1994).

Во-вторых, западноевропейский интеграционный опыт второй половины прошлого века не воспроизводим в современном мире в силу радикально различных исторических условий (Milner, 1992, p. 466–496)¹⁰.

Более того, в контексте волны ревизионистской литературы, посвященной интеграционным исследованиям, оказалось, что можно легко отказаться от семантического «выхолащенного» термина «интеграция» и без каких-либо смысловых потерь описывать и анализировать то, что происходило и происходит в Европейском Союзе с помощью терминов «регионализм» и «регионализация».

Регионализация стала пониматься как совокупность процессов, способствующих нарастающей экономической однородности региона в результате углубления разделения труда (Frost, 2008, p. 1–15) и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами (Dent, 2008, p. 8). Со временем при достижении зрелой стадии регионализации возникает потребность в её управлении, то есть институционализированности, что в литературе стали называть регионализмом. Другая же – «неуправляемая» – форма ассоциировалась с регионализацией (Dent, 2008, p. 16–21). В таком словоупотреблении регионализация фактически выглядела некой ранней фазой, «предпосылкой» регионализма. Анализ словоупотребления показывает, что фактически авторы используют термины «регионализация» и «регионализм» для описания процессов и явлений, которые европейские исследователи относят к комплексу проблем интеграции.

Научное оправдание плюрализма в подходах к интеграции имеет исключи-

10 Милнер подчеркивал принципиальную закрытость региональных структур времён «холодной войны», которая стала размываться под действием глобализации.

тельно большое значение для российской внешней политики в своем ближайшем окружении. Споры вокруг будущего постсоветского пространства и, в частности, Содружества Независимых Государств (СНГ) отчасти могут объясняться трудностями в определении назначения этого международно-политического образования. В учредительных документах СНГ под влиянием «демонстрационного эффекта» западноевропейского опыта отдавалось предпочтение термину «интеграция», в то время как на деле проходили процессы дезинтеграции высокоинтегрированного пространства.

Характерные для первой половины 1990-х гг. ссылки на западноевропейский опыт фактически заложили основы для искаженной интерпретации постсоветской ситуации, которую отличает принципиально иное соотношение интеграционных и дезинтеграционных тенденций. При создании Содружества происходили процессы разрушения старого интегрированного хозяйственного комплекса. В то же время, если сравнивать с интегрированностью в ЕС, то между постсоветскими республиками в начале 1990-х гг. наблюдалась более высокая степень консолидации в таможенной, экономической и военно-оборонительной областях.

Сегодня, спустя более двадцати лет с момента распада СССР, опыт сравнительной интеграции дает России свободу выстраивания отношений со своими соседями. Главными уроками, как представляется, должен стать отказ от повторения ставшей «классической» очерёдности этапов сближения хозяйств (по Балаши), акцент на стимулировании микроэкономических факторов интеграции, сращивания на уровне обществ, предпринимательских групп, образовательной деятельности, межфирменного и внутрифирменного рационального разделения труда; согласие с принципом «сетевизации» мировой политики, который в контексте международных отношений на постсоветском пространстве должен восприниматься

как признание права и возможности других государств на параллельное участие в иных интеграционных блоках и союзах.

В исследованиях интеграции (в том числе немногих сравнительно-интеграционных работах) с 1950-х гг. под преобладающим влиянием европейцев складывался свой отличительный дискурс. Однако на рубеже 1990-х – 2000-х годов стало очевидно, что классические подходы к интеграции в ЕС устарели и перестали быть единственным возможным вариантом исследования интеграционных процессов.

Издававшаяся за рубежом и в России новая «интеграционная» литература убедительно показывала принципиальную однородность интеграционного сближения в разных регионах мира. Фокус интеграционных исследований расширяется. Акцент сдвигается к анализу сути интеграционных процессов, несходство которых перестает казаться аномалией.

Безусловно, интеграционные процессы в Латинской Америке, Восточной Азии, Африке и других регионах мира несопоставимы с любимыми региональными версиями интеграции в Европе в силу асинхронности их развития. Несмотря на то что неевропейская интеграция началась намного позднее европейской, это не говорит о её более ранней стадии развития.

В силу природно-географической, историко-политической и социокультурной специфики стран Восточной Азии, которая определяет интеграционные траектории региона, попытки синхронно-исторического сравнения восточноазиатской интеграции с аналогичным опытом ЕС методологически и аналитически вряд ли корректны. Например, в свете кризиса 1997–1998 гг. в Восточной Азии главный акцент усилий восточноазиатских государств по сближению экономик был сосредоточен именно на валютно-финансовой интеграции (Арапова, Байков, 2012).

В этой связи методологически верным представляется допущение о том, что ключевое типологическое подобие интеграционных процессов (при всех понятных и очевидных видовых различиях) определяется приоритетной ориентацией участников интеграции на развитие внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, а не степенью реализации принципа наднациональности. Это проявляется, например, в готовности участников к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем в рамках регулярных встреч ради решения конкретного вопроса, в предоставлении друг другу на взаимной основе особых прав, привилегий и льгот.

Европейская интеграционная модель, появившаяся в специфических условиях в послевоенной Западной Европе и сохраняющая историко-феноменологическую неповторимость, начинает утрачивать свою принципиальную уникальность как универсальная модель эффективного интеграционного процесса. Но начался процесс «размывания» самого понятия «интеграция», «европейского интеграционного канона», казавшегося незыблемым еще 40 лет назад. Трактовка данного понятия вбирает в себя также опыт неевропейских интеграционных процессов, тем самым теряя изначальную западноевропейскую идентичность согласно исходным представлениям и правовым нормам, сформулированным в конце 1950-х гг. Сказанное побуждает науку о международных отношениях к интенсивному аналитическому поиску.

Европейский опыт уже не может служить универсальной концепцией международной интеграции. Например, для АСЕАН, НАФТА или МЕРКОСУР. Множественный интеграционный опыт, региональные траектории интеграционных процессов и многообразие форм их институционального и внеинституционального регулирования простимулировали становление нового направления исследования – «сравнительной интеграции».

Общая сравнительно-интеграционная теория в последние двадцать лет приобретает новый виток развития благодаря переосмыслению учёными и практиками из Европейского Союза установок на федерализм: акцент переносится на многоформатное и разноскоростное сотрудничество государств-членов не только в экономике, но и в политике. Кризис еврозоны в 2010–2013 гг. подверг серьёзному испытанию принцип наднациональности.

Сравнительная интеграция как новая область международно-политических исследований уже обладает достаточной эмпирической базой, чтобы в результате научных обобщений подготовить создание новой «теории региональной интеграции».

Список литературы

- Арапова Е.Я., Байков А.А. (2012). Региональные инициативы финансового сотрудничества в АТР. *Международные процессы*, 3 (30). 98–107.
- Байков А.А. (2010). Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах. *Международные процессы*, 1 (22). С. 58–73.
- Байков А.А. (2012). *Сравнительная интеграция: Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. М.: Аспект Пресс. 256.
- Борко Ю.А. (2003). *От европейской идеи – к единой Европе*. М.: Деловая литература. 464.
- Борко Ю.А., Загорский А.В., Караганов С.А. (1991). *Общий европейский дом: что мы о нем думаем?* М.: Международные отношения. 231.
- Буторина О.В. (2007). Интеграция в стиле фанк. *Россия в глобальной политике*, (5). 106–121.
- Воскресенский А.Д. (2006). *«Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность*. М.: КомКнига. 128.
- «Европейская идея»: от утопии – к реальности. (1998). Борко Ю.А. (ред.). *Загля-*

дывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств. М.: Интердиалект. 15–51.

Лебедева М. (2003). Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. *Космополис*, (3). 28–38.

Лицарева Е.Ю. (2004). *Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века*. Томск: ТГУ. 222.

Маныкин А.С. (ред.). (2010). *Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее*. М.: Олби-Принт. 628.

Молчанов Н. (1957). О шумихе вокруг общего рынка. *Новое время*, (5). 6–9

Хрусталева М.А. (2008). *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: НОФМО. 231.

Шаклеина Т.А. (2013). Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века. Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред.). *Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке*. М.: Аспект Пресс. 283–298.

Шишков Ю.В. (2001). *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* М.: III тысячелетие. 480.

Acharya A. (2004). How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism. *International Organizations*, 58 (2). 239–275.

Balassa B. (1982). *The Theory of Economic Integration*. Westport: Greenwood Press Reprint. 304.

Beeson M. (2007). *Regionalism and Globalization in East Asia*. New York: Palgrave Macmillan. 336.

Dent Chr. M. (2008). *East Asian Regionalism*. London; New York: Routledge. 334.

Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 500.

Crouch C. (1993). *Towards Greater Europe? A Continent Without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell Publ. 174.

Dieter H. (2006). Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation. *Notre Europe Studies and Research Paper*, (47). 149.

Elena E. A., Katzenstein P. (2003). European Enlargement and Institutional Hypocrisy. Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 269–290.

Fawcett L., Hurrell A. (1995). *Regionalism in World Politics*. Oxford: Oxford University Press. 360.

Frost E. (2008). *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers. 293.

Gamble A., Payne A. (eds.). (1996). *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 296.

Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). (1999). *Globalism and the New Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. 308.

Hettne B. (2006). Beyond the New Regionalism. *New Political Economy*, 10 (4). 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484

Hettne B., Söderbaum F. (1999). The New Regionalism Approach. *Politica*, (3). 6–21.

Hettne B., Soderbaum F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, 5(3). 457–474. DOI: 10.1080/713687778

Katzenstein P.J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*, (3). 335–368. DOI: 10.1080/713687777

Katzenstein P.J. (2002). Area Studies, Regional Studies, and International Relations. *The Journal of East Asian Studies*. 2(1). P. 127–138.

Katzenstein P.J. (2005). *World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press. 320.

King P., Bosco A. (eds.). (1991). *A constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe*. London: Lothian Foundation Press. 380 p.

Kolodziej E. (1974). *French International Policy Under de Gaulle and Pompidou: The Politics of Grandeur*. Ithaca: Cornell University Press. 618.

Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration*. Cambridge: Brookings Institution Press. 192.

Langhammer R.J. (1999). Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style. *ASEAN Economic Bulletin*, (16). 1–17.

Majorlin R. (1989). *Architect of European Unity: Memoirs, 1911-1986*. London: Weidenfeld and Nicolson. 457.

Milner H. (1992). International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses. *World Politics*, (44). 466–496.

Schmitter P.C. (1969). Three Neo-Functional Hypotheses about International Integration. *International Organization*, (1). 161–166.

Solingen E. (2013). *Comparative Regionalism: Economics and Security*. N.Y.: Routledge. 304.

Solingen E. (1998). *Regional Orders at Century's Dawn*. Princeton: Princeton University Press. 352.

Tinbergen J. (1952). *On the Theory of Centralization and Decentralization in Economic Policy*. Amsterdam: North-Holland. 80.

Wallace W. (1994). *Regional Integration: The West European Experience*. Wessington DC: The Brookings Institution. 178.

References

Acharya A. (2004). How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism. *International Organizations*, 58 (2). 239–275.

Arapova E. Ja., Baykov A.A. (2012). Regional Financial Integration in East Asia. *Mezhdunarodnye protsessy*, 3(30). 98–107.

Balassa B. (1982). *The Theory of Economic Integration*. Westport: Greenwood Press Reprint. 304.

Baykov A.A. (2010). Integration Studies in the 2000s. *Mezhdunarodnye protsessy*, 1 (22). С. 58–73.

Baykov A.A. (2012). *Comparative integration: Practice and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia*. Moskva: Aspekt Press. 256.

Beeson M. (2007). *Regionalism and Globalization in East Asia*. New York: Palgrave Macmillan. 336.

Borko Yu.A. (2003). *From the European idea – to a united Europe*. Moskva: Delovaya literatura. 464.

Borko Yu.A., Zagorskii A.V., Karaganov S.A. (1991). *Common European home: what do we think about it?* Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 231.

Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 500.

Butorina O.V. (2007). Integration in the funky style. *Rossiya v global'noi politike*, (5). 106–121.

Crouch C. (1993). *Towards Greater Europe? A Continent Without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell Publ. 174.

Dent Chr. M. (2008). *East Asian Regionalism*. London; New York: Routledge. 334.

Dieter H. (2006). Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation. *Notre Europe Studies and Research Paper*, (47). 149.

Elena E. A., Katzenstein P. (2003). European Enlargement and Institutional Hypocrisy. Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 269–290.

«European idea»: from utopia to reality. (1998). Borko Yu.A. (ed.). *Looking to the 21st century: the European Union and the Commonwealth of Independent States*. Moskva: Interdialekt. 15–51.

Fawcett L., Hurrell A. (1995). *Regionalism in World Politics*. Oxford: Oxford University Press. 360.

Frost E. (2008). *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers. 293.

Gamble A., Payne A. (eds.). (1996). *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 296.

- Hettne B. (2006). Beyond the New Regionalism. *New Political Economy*, 10 (4). 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484
- Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). (1999). *Globalism and the New Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. 308.
- Hettne B., Söderbaum F. (1999). The New Regionalism Approach. *Politica*, (3). 6–21.
- Hettne B., Soderbaum F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, 5(3). 457–474. DOI: 10.1080/713687778
- Katzenstein P.J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*, (3). 335–368. DOI: 10.1080/713687777
- Katzenstein P.J. (2002). Area Studies, Regional Studies, and International Relations. *The Journal of East Asian Studies*. 2(1). P. 127–138.
- Katzenstein P.J. (2005). *World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press. 320.
- Khrustalev M.A. (2008). Analysis of international situations and political expertise. Moskva: NOFMO. 231.
- King P., Bosco A. (eds.). (1991). *A constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe*. London: Lothian Foundation Press. 380 p.
- Kolodziej E. (1974). *French International Policy Under de Gaulle and Pompidou: The Politics of Grandeur*. Ithaca: Cornell University Press. 618.
- Langhammer R.J. (1999). Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style. *ASEAN Economic Bulletin*, (16). 1–17.
- Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration*. Cambridge: Brookings Institution Press. 192.
- Lebedeva M. (2003). New transnational actors and a change in the political system of the world. *Kosmopolis*, (3). 28–38.
- Litsareva E.Yu. (2004). *Economic integration on the European continent and in the Asia-Pacific region in the second half of the twentieth century*. Tomsk: TGU. 222.
- Majorlin R. (1989). *Architect of European Unity: Memoirs, 1911–1986*. London: Weidenfeld and Nicolson. 457.
- Manykin A.S. (ed.). (2010). *Models of regional integration: past and present*. Moskva: Albee-Print. 628.
- Milner H. (1992). International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses. *World Politics*, (44). 466–496.
- Molchanov N. (1957). About the hype around the common market. *Novoe vremya*, (5). 6–9
- Schmitter P.C. (1969). Three Neo-Functional Hypotheses about International Integration. *International Organization*, (1). 161–166.
- Shakleina T.A. (2013). Phenomenon and parameters of Great Power in the world politics of the 21st century. Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.). *Megatrends: The main trajectories of evolution and world order in the 21st century*. Moskva: Aspekt Press. 283–298.
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integration processes on the threshold of the XXI century. Why are CIS countries not integrated?* Moskva: III tysyacheletie. 480.
- Solingen E. (1998). *Regional Orders at Century's Dawn*. Princeton: Princeton University Press. 352.
- Solingen E. (2013). *Comparative Regionalism: Economics and Security*. N.Y.: Routledge. 304.
- Tinbergen J. (1952). *On the Theory of Centralization and Decentralization in Economic Policy*. Amsterdam: North-Holland. 80.
- Voskresenskii A.D. (2006). "Greater East Asia": world politics and energy security. Moskva: KomKniga. 128.
- Wallace W. (1994). *Regional Integration: The West European Experience*. Wessington DC: The Brookings Institution. 178.

Информация об авторе

Андрей Анатольевич Байков, кандидат политических наук, проректор по магистерским и международным программам, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
a.baykov@inno.mgimo.ru

About the Author

Andrey A. Baykov, Cand. Sci. (Pol.), Vice-Rector for Graduate and International Programs, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
a.baykov@inno.mgimo.ru